

Идиллическій номеръ.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 3

ЦѢНА ОТД. № въ розн. продажъ 75 к. и на ст. жел. дор. 85 к.

ФЕВРАЛЬ 1918

Рис. Казимира Груса.

ВЕНЕЦІАНСКАЯ ИДИЛЛІЯ НА ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ.

Троцкій: — У насъ въ Петроградѣ желающіе могутъ кормить птичекъ совсѣмъ, какъ на площади Св. Марка въ Венеціи...

Будетъ нѣкогда день и погибнуть великіе трое.
Трое злодѣевъ, что міръ угнетали всечасно,
Голодь проклятый, и Марсъ Крвожадный, и Трудъ
подъяренный.
Сгинуть... и станетъ вся жизнь—рядъ прекрасныхъ
идиллій...
Взглянемъ направо,—рабочіе дружно обнявшись,
Дѣлятъ барышъ, словословья свой трудъ каждочасно.
Взглянемъ налѣво—художники мажутъ заборы
(Генію будетъ дана и работа полегче!)
Будутъ пѣвцы обучать идиотовъ мычать гармонично.

Тюремъ не будетъ, а духа бастиліи—церкви
Отданы будутъ старушкамъ для радостныхъ плясокъ
и пѣсень.
Не пожелаетъ никто жены ближняго, ибо и женъ ты
На коммунальныхъ началахъ найдешь въ потребитель-
скихъ лавкахъ.
Словомъ идилліи вѣчной настанетъ прекрасное время
Если-жъ не вѣришь, такъ въ Смольный поиди и
спроси комиссара!

А. Радаковъ.

О П О Н О С Ъ

или

РУССКІЕ ВЪ 1918 ГОДУ.

Охотничья идиллія Арк. Аверченко.

Большой роскошный кабинетъ, украшенный дорогимъ оружіемъ, бронзой и великолѣпными шкурами дикихъ звѣрей, разбросанными по полу и на оттоманкахъ.

Хозяинъ и гость сидятъ у камина въ глубокихъ креслахъ. Сигары. Кофе. Ликеры, Тихая задушевная бесѣда. Происходитъ это въ 1928 году.

— Дд-да...—лѣниво шепчетъ хозяинъ, попыхивая сигарой.—Пришлось мнѣ на своемъ вѣку поохотиться—могу сказать. Стрѣлялъ и сороку, и ворону, и яснаго сокола. Видите вонъ ту полосатую дуру въ углу, налѣво?..

— Тигръ?—догадывается гость.

— Тигръ. Недалеко отъ Бенареса я его ухлопалъ. На всякаго звѣря своя сноровка нужна. Съ этимъ я выкинулъ прехитрую штуку.

— Любопытно, какую?—раздался голосъ невидимаго изъ-за клубовъ ароматнаго сигарнаго дыма—гостя.

— А вотъ: заказалъ я въ Калькуттѣ желѣзную разборную клѣтку аршинъ пять въ поперечникѣ. Привезли мы ее съ индусами къ рѣкѣ, куда эта полосатая тварь шлялась на водопой. Собрали мои ребята клѣтку, всунули меня внутрь, въ компаніи съ живымъ ягненкомъ и ушли по добру, по здорову. Сидимъ это мы съ ягненкомъ часъ, другой—вдругъ вдали этакій ревъ. Ну, дернулъ я своего товарища за хвостъ, заверещалъ онъ—и вижу я, на голосъ выпрыгиваетъ изъ бамбуковъ вотъ это самое полосатое чудище. Прямо на клѣтку такъ и претъ. Ухватился лапами за прутья, да и давай ихъ мять. Ну я—разъ! разъ! Прямо въ сердце. Даже шкуры почти не попортилъ. Растеряйся я—конецъ бы мнѣ. Клѣтку онъ, анаѰема, все таки помялъ, какъ картонную...

— А это что за серебристая шкура? Кажется, левъ?

— Такъ точно, дорогой. Атласскій, такъ называемый, левъ. Прямо на крупъ моей лошади свалился... Ну, я не будь дуракъ—ножемъ въ бокъ—р-разъ! Не пикнулъ.

— А это—бизонъ?

— Бывшій. 28 штукъ загнали въ частоколъ въ формѣ римскаго V. Въ широкой конецъ загоняли, въ узкомъ убивали. Проводникъ нашъ кафръ, прозванный нами Бульденежъ, три ребра потерялъ на этомъ дѣлѣ. Очень это хитрая штука загнать рогатыхъ проходимцевъ въ римскую пятерку. Бываетъ, что проломаютъ частоколъ и всѣ вытекутъ наружу, какъ вода изъ разбитой бутылки. Для этого и дѣлаютъ широкую часть пятерки пониже, понемногу, а гдѣ уже поужмемъ и колья потолще и ставимъ ихъ въ два ряда. Для всякой охоты, голубчикъ мой, нужна своя сноровка. Что это вы головой вертите, какъ удавъ передъ змѣей?

— Странная вещь...—замѣчаетъ гость неувѣреннымъ тономъ.—Я вижу тигровую шкуру, медвѣжью... Вонъ тамъ пара волчьихъ, вотъ барсовая, но одной шкуры я совсѣмъ не понимаю...

— Которой, которой?..

— Вонъ той, которая хотя и лежитъ, разбросивъ переднія лапы, какъ всякая другая шкура, но во первыхъ ни заднихъ лапъ, ни хвоста у нея нѣтъ, а во вторыхъ, она больше напоминаетъ мужское драповое пальто съ каракулевымъ воротникомъ.

— Ну, такъ что же?—хладнокровно мычитъ хозяинъ, попыхивая сигарой.

— Я не понимаю, почему среди трофеевъ охоты затесалось драповое пальто съ барашковымъ воротникомъ?

— Тоже трофеевъ охоты. У меня ихъ много было, часть раздарилъ. Были попорченные пулями экземпляры. А это новехонькое. Ни одной дырки.

— Не хотите ли вы увѣрить меня, что охотились на челоуѣка?—съ безпокойствомъ спросилъ гость.

— Представьте. Одна изъ самыхъ опасныхъ охотъ. И какъ всякая охота требуетъ своей сноровки.

Хозяинъ всталъ, ласково погладилъ ладонью воротникъ драпового пальто, раскинувшася по полу между шкурой тибетскаго медвѣдя и карпатскаго волка и началъ рассказъ тѣмъ же тономъ, какимъ онъ рассказывалъ о бенаресской охотѣ на тигра...

— Было это въ 1918 году, когда, помнится, страной правили пресловутые народные комиссары. Въ то время, дрова, привозимые по Фонтанкѣ выгружались на берегу, въ районѣ между Пантелеймоновскимъ и Аничковымъ мостомъ. Сюда же къ берегу сбегался и снѣгъ, такъ что къ серединѣ зимы у берега образовались дремучіе завалы

изъ дровяныхъ и снѣжныхъ глыбъ, смерзшихся въ одну компактную массу... И вотъ завелись въ этихъ отрогахъ уральскихъ горъ фрукты, подобные тому, шкура котораго лежитъ, распростершись у нашихъ ногъ... Были они, нужно признаться, опаснѣе американскихъ бизоновъ и кровожаднѣе бенаресскихъ тигровъ...

— Что же они дѣлали?—спросилъ заинтересованный гость.

— Убивали всѣхъ кто подворачивался имъ подъ руку. Раздѣвали до нага и убивали. Народные комиссары въ это время углубляли революцію—не до того имъ было—а это прибрежное звѣрье, такъ называемые „товарыши“ рѣзали и душили всякаго коннаго и пѣшаго, кто попадалъ въ ихъ джунгли. Ужаснѣе всего, что и джунгли-то эти находились всего въ пятистахъ шагахъ отъ Аничкова моста—центрального пункта Невского.

— И вы... охотились?

— Отчего-жъ?.. Тогда все было дозволено, а для любителя сильныхъ ощущений такая охота—медъ!..

— Какъ же это происходило?..

— Какъ обыкновенно, на охотѣ. Насъ было цѣлая такая компанія. Былъ даже свой уставъ. Называлась компанія: „Общество правильной охоты на околофонтанскую сволочь“. Телеграфный сокращенный адресъ „Опоносъ“. Хлопотали даже о субсидіи обществу, но намъ предложили получить отъ уха.

— Какъ... отъ уха?

— Просто. У каждаго убитаго членомъ общества отрѣзывается ухо и представляется въ комиссариатъ, за что выдается сто рублей награжденія...

— Чортъ знаетъ что!

— Именно—вышло чортъ знаетъ что. Вышло такъ, что наше околофонтановское звѣрье послѣ этого не только раздѣвало прохожихъ, но еще и отрѣзывало имъ уши на предметъ полученія ста рублей. Вѣдь на ухѣ-то не написано, чье оно: буржуя или его раздѣвателя. Послѣ этихъ „поддѣлокъ“ комиссариатъ самъ уничтожилъ меркантильную сторону охоты и такимъ образомъ наши ночные приключенія сами собой вылились въ безкорыстную охоту ради охоты...

— Послушайте... Вы рассказываете такія невѣроятныя вещи...

— Ну, вотъ: невѣроятныя. Тогда все было вѣроятно!

— Какъ же происходила... эта... охота?..

— Традиціонно. Наканунѣ собиралось нѣсколько этихъ спортсменовъ—большой частью у меня и уговаривались, если ночь будетъ темная и безвѣтренная отправиться. Темная ночь самая была подходящая... На службѣ у насъ состоялъ этакій развѣдчикъ, который передъ очередной охотой выслѣживалъ мѣсто нахождения очередной дичи, знакомый съ ея нравами и повадками. Онъ же служилъ и проводникомъ экспедиціи. Приманка была, главнымъ образомъ, на ягненка...

— На яг...ненка?

— То есть, такъ, иносказательно. На буржуя ловили. На всякую охоту, повторяю, своя сноровка.

Хозяинъ мечтательно улыбнулся.

— Шумно, помню, во время сборовъ было. Весело. Всѣ съ винчестерами, наганами, черезъ плечо патронташъ, сбоку фляжка съ ромомъ—все какъ полагается. Съ вечера залегали мы за выступомъ какихъ нибудь воротъ и терпѣливо ждали наступленія ночи, когда дичь выползала на свой промыселъ. Лежимъ, затаивъ дыханіе... Вдругъ—звукъ автомобильнаго рожка—условный знакъ развѣдчика, что дичь вышла на работу. И вотъ въ это время на набережной показывается одинъ изъ нашей компаніи—буржуй или „ягненокъ“, какъ мы его называли. Самая опасная была должность и шли на это дѣло самые отчаянные изъ насъ.

— Ну, ну?..

— Идетъ, значить, „ягненокъ“ посвистывая, напѣвая изъ модной тогда „Сильвы“—„Красотки красотки“... Тутъ-то на него и высыпала водившаяся въ дровахъ дичь. Всегда четыре—пять человекъ, потерявшихъ всякій человѣческій образъ, выбѣгали изъ-за штабелей и съ крикомъ: „Стой! Есть оружіе?“ набрасывались на ягненка. „Ты стрѣлялъ?“—спрашивали „товарыши“. Это у нихъ платформа такая. Пальто снимутъ и душить начнутъ не сразу, а соблюдутъ раньше революціонный декорумъ. Тебѣ, дескать, буржую и саботажнику оружіе имѣть не полагается. „Нѣтъ у меня оружія“, кротко лепечетъ нашъ ягненокъ... А а—нѣту? Ну, скидай пальто. Чалый прижми ему машинку. Но

Чалому такъ и не удавалось „прижать машинку“. Согбенный страхомъ ягненокъ вдругъ выпрямлялся, молниеносно ударилъ Чалаго кулакомъ въ солнечное сплетеніе, падалъ на землю, а въ это время наши охотнички съ гикомъ высыпали изъ засады и начиналась потѣха. Крики, брань улюлюканья, выстрѣлы. „Шкуру не портъ“, оживленно кричитъ „ягненокъ“, оглушая ближайшаго дровяного звѣря рукояткой револьвера. „Бей между глазъ, коли его, цѣлься въ затылокъ“—прямо такъ было весело, что и рассказать невозможно.

— Гм!—пробормоталъ гость.—Я собственно не вижу здѣсь элемента веселья. Истреблять безоружныхъ людей...

— Безоружныхъ? Да они до зубовъ были всегда вооружены! Шансы равны, дичь здѣсь опаснѣй—что жъ тутъ преступнаго?..

— Ну и что же дальше?

— Заполевавъ нѣсколько штукекъ, сдирали мы съ нихъ ввидѣ охотничьихъ трофеевъ драповыя шкуры (вродѣ вотъ этой!) и возвращались домой привѣтствуемые кликами прохожихъ: „Съ полемъ васъ! Богъ на помощь! Много ли настрѣляли?“.

— Звѣри—съ отвращеніемъ пробормоталъ гость.

— Что же я и говорю,—подхватилъ не совсѣмъ понявшій гостя хозяинъ—форменные звѣри. А разъ звѣри—охота на нихъ разрѣшалась, и все было къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

Гость промолчалъ. Только вздохнулъ, пожавъ плечами.

Подгорѣвшее полѣно въ каминѣ переломилось пополамъ и сползло внизъ. На мгновеніе оно вспыхнуло и освѣтило великолѣпную полосатую тигровую шкуру и скромное діагональное пальто, скромно распростертыя между тибетскимъ медвѣдемъ и карпатскимъ волкомъ.

Арвадій Аверченко.

ОБЫВАТЕЛЬЩИНА

Проживала встарь безмятежно я,
Тяжела мнѣ жизнь эта новая...
Отъ природы я дама нѣжная
И къ тому-жъ еще нездоровая.
Слухи носятъ безобразные,—
Будто скоро Русь вся развалится...
Ну, да я, и Русь—вещи разныя,
Мнѣ то не о чемъ тутъ печалиться.
Пусть все рушится, пусть странѣ родной
Хоть сейчасъ грозитъ участь страшная,—
Хорошо-бъ жилось только мнѣ одной,
Остальное все—вещь пустяшная.
Въ общемъ скучно мнѣ; извели меня
Миръ, аннексія, контрибуція...
Подремлю-ка я... Разбуди меня,
Когда кончится революція.

Всеволодъ Вастучинъ.

Рис. К. Г.

ИДИЛЛІЯ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Рис. В. Лебедева.

ВЪ БЛИЗКОМЪ БУДУЩЕМЪ.

— Ты работай, а я буду отгонять отъ тебя мухъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Какой-то г. Жадринскій привѣтствуетъ въ лѣво-эсеровскомъ „Голосѣ Труда“ этотъ же самый „Голосъ Труда“. Привѣтствуетъ не совсѣмъ грамотно, но очень радостно:

„Голосу Труда“
Лелѣялъ мечту я свою,
Желалъ я свой органъ увидѣть
Увидѣлъ—теперь постою,
Чтобъ „Голосъ Труда“ не обидѣть.

Человѣкъ хотѣлъ увидѣть свой органъ—увидѣлъ.
Теперь, гсворить, постою, чтобъ „Голосъ Труда“ не обидѣть.
А то „Голосъ Труда“ такой обидчивый.. Сядетъ г. Жадринскій—анъ „Голосъ Труда“ и обидѣлся на г. Жадринскаго.
И стоитъ теперь лѣвый эсъ-эръ г. Жадринскій въ противоположность правымъ эсъ-эрамъ, которые сидятъ.

Въ Ростовѣ н/Д. выходитъ журналъ, несущій очень простое и милое названіе „Кафе Журналъ“.

Для любителей тонкихъ вещей приводимъ кусочекъ фельетона редактора этого журнала Леонида Склярова:

Ее звали Викторіей. Она курила тоненькія папироски и звонко смѣялась. Было такъ просто.. (?)

Она подошла ко мнѣ, когда я сидѣлъ въ ея уютной гостиной, взяла мою руку и тихо сказала:

— А знаете, я васъ люблю!.

И здѣсь-же на пушистой шкурѣ бѣлаго медвѣдя я пилъ ея острые глаза и змѣиное тѣло.

А и вѣрно вѣдь—такъ просто.

Выпивъ острые глаза и змѣиное тѣло, Леонидъ Скляровъ вздумалъ приссѣдиться къ другой дамѣ:

Она спала. Я наклонился надъ ней, У меня кружилась голова и усиленно билось сердце. Она вздрогнула. Она открыла глаза, и звонкая пощечина огласила купѣ.

Я сѣлъ на свое мѣсто и спокойно закурилъ папиросу.

Дьявольское самообладаніе у этого молодого человѣка Л. Склярова. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ.

Въ стихахъ же онъ о себѣ пишетъ болѣе туманно:

Небо синѣеть. Туманятся издали

Степи, холмы и поля.

Вотъ тѣ мѣста, гдѣ поэта не признали:

— Это родная земля!

Мчусь издалика я, гордо обиженный,

Но не подвластной толпѣ.

Я, и до нынѣ ни кѣмъ не униженный,
Грустно гляжу изъ купѣ.

Никѣмъ не униженный...

Это, очевидно, было написано до прискорбнаго инцидента въ дамскомъ купѣ.

Ахъ, Скляровъ, Скляровъ...

Лучшіе парикмахерскіе Ростова по васъ плачутъ. Вернитесь къ бритвѣ и ножницамъ, Скляровъ, вернитесь въ свою alma mater!..

ВЕРХЪ СОЗНАТЕЛЬНОСТИ.

Приводимъ текстъ афиши театра Путиловскаго Завода.

Театръ Путиловскаго завода.

Рабочая организація Литературно-музыкально-вокально-драматическаго кружка при обществѣ „Интернаціональ“ устраиваетъ праздничное утро, посвященное памяти русскаго классика, Николая Васильевича Гоголя:

Представлено будетъ:

Женихи Старого Режима.

(Женихъ Гоголя комед. въ 2 дѣйствіяхъ).

Товарищи работники и работницы выступятъ на сценѣ въ первый разъ. За исключеніемъ режисера труппы.

Можетъ быть, путиловцы будутъ ставить и шекспировскаго „Гамлета“?

Такъ можемъ предложить для него хорошее названіе: „Жертва империализма или Датскіе саботажники“ это не хуже „жениховъ стараго режима“.

ВОЕННАЯ ИДИЛЛІЯ.

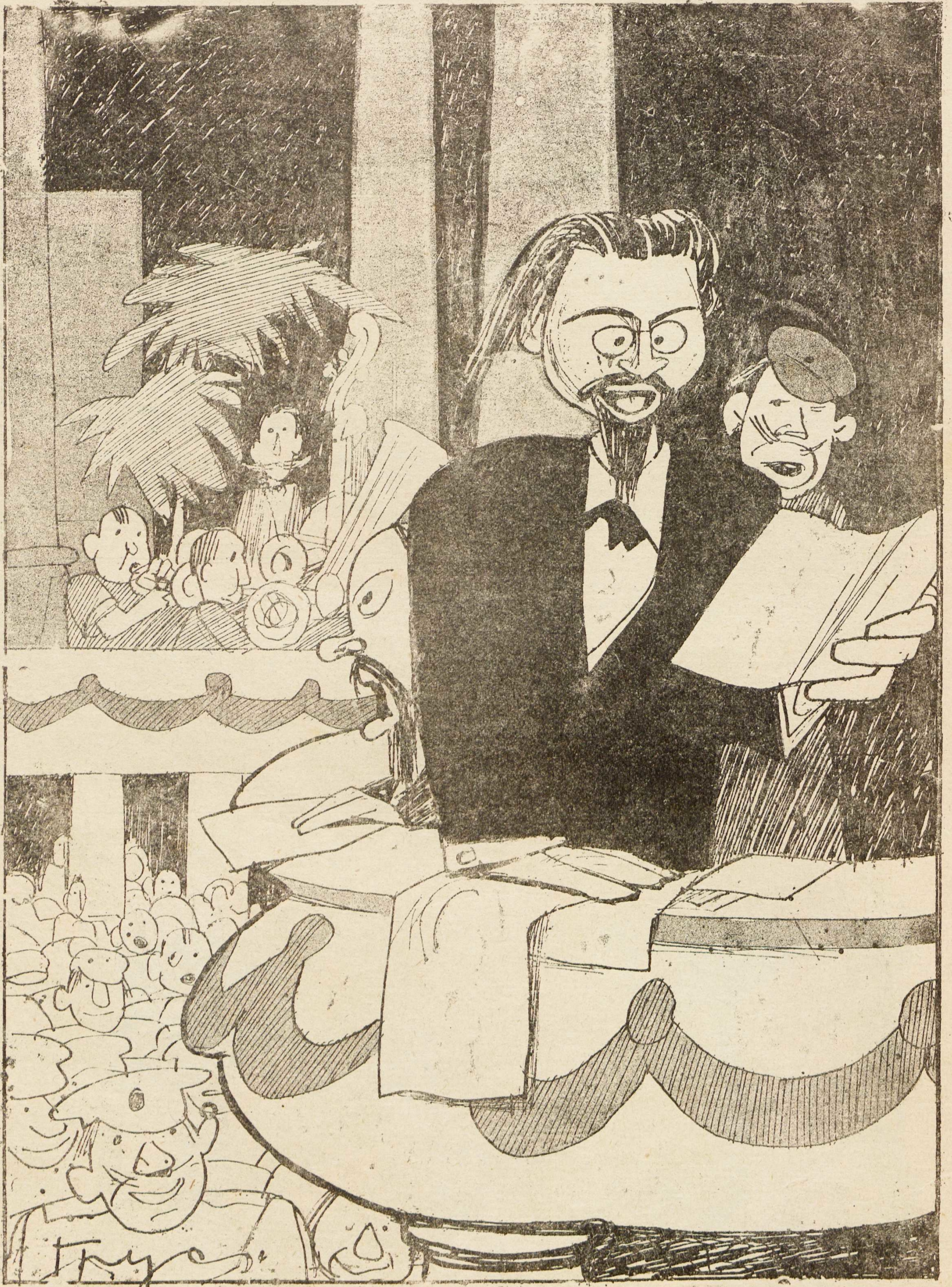
Рис. А. Радакова.

— О, добрый товарищ Ленинъ! Ты хочешь создать добровольную армію. На тебѣ наши костыли и протезы! Можетъ быть, ты изъ этого и создашь что нибудь добровольное!

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ИДИЛЛИЯ.

Рис. Казимира Грусса.

„НЮРНБЕРГСКИЕ МАСТЕРА ПЬНІЯ“.

(Левъ Троцкій передь съѣздомъ Совѣтовъ...)

М А С С О К Р А Т І Я .

(Идиллическое предположение — Арк. Бухова).

...Анархисты сорзались на пустякъ. Занявъ мѣсто большевиковъ, они напечатали философское обоснованіе своей программы, въ которомъ не могли избѣжать одного изъ основныхъ пунктовъ: трудъ—удовольствіе.

— Человѣкъ, значитъ, дерево пилить—поясняли ихъ агенты на мѣстахъ—а хорошо ему какъ въ кинематографѣ. Не нравится пилить—бросилъ. Другой допилить, кому предположимъ чихать надоѣло.

На населеніе Россіи такое толкованіе произвело довольно радостное впечатлѣніе. Каждый сталъ подыскивать трудъ, доставлявшій ему удовольствіе. Группа старыхъ маниаковъ, неорганизованная и маленькая, пыталась заняться обременительной работой—ѣздой въ трамваяхъ, чтеніемъ всѣхъ афишъ на улицахъ и вылавливаніемъ сонныхъ мухъ въ частныхъ помѣщеніяхъ, въ чисто гигиеническихъ цѣляхъ.

Большинство же взялось за ту работу, къ которой успѣло привыкнуть, даже и среди однообразія которой успѣло находить для себя источникъ неисчерпаемыхъ наслажденій. Часть спекулировала съ хлѣбомъ, часть громила винные погреба, часть высчитывала по отрывному календарю число и мѣсяць прихода социалистическаго строя, а нѣкоторые обтирали мокрыми тряпками портреты Николая второго.

Большевики и весь пролетаріатъ, съ ихъ контръ-революціонными стремленіями къ созданію социалистической страны и къ работѣ въ этой области, были загнаны въ подполье. Крестьянство, контръ-революціонно намѣревавшееся сѣять хлѣбъ, было объявлено врагомъ народа и покорно ждало своей участи—когда его переведутъ въ Маріинскую больницу и пристрѣлятъ. Всѣ были не у дѣль. И только одни празячіе классы, по группамъ въ количествахъ не болѣе тридцати, ходили по улицамъ и прислушивались къ тому, что требуетъ сегодня инициативная группа Обводнаго канала, Сѣннаго рынка, или Горячаго поля.

Тогда то и наступилъ тотъ строй, котораго такъ боялись всѣ, какъ это теперь пишется при соглашеніяхъ: „отъ к.-д., до большевиковъ включительно“. Историки впоследствии опредѣлили его однимъ словомъ: массократія.

* * *

Подъ обломками развалившейся буржуазіи, интеллигенціи и социализма, погибъ пролетаріатъ и крестьянство. Ходившіе и стрѣлявшіе въ воробьевъ, лошадей и населеніе, люди на улицахъ наскоро утвердили одинъ боевой лозунгъ: вся власть улицѣ. Были конечно и отдѣльные лозунги: вся власть Конявему переулку. „Да здравствуетъ—домъ № 7 по Кошихинскомъ и Марья Егоровна въ особенности“. „Немедленная передача власти Пяти угламъ и ихъ окрестностямъ“.

Борьба классовая превратилась въ борьбу подрайоновъ, причѣмъ случалось такъ, что подрайонъ одного конца города побѣждалъ подрайонъ на другомъ концѣ и приходилось нанимать особыхъ людей, которые выполняли роль радио, бѣгали съ новостями по улицамъ, сшибая съ ногъ прохожихъ, очень довольныхъ, что ихъ при этомъ еще не убили. Побѣжденный подрайонъ присуждался къ очисткѣ улицъ отъ снѣга, что лѣтомъ было очень затруднительно.

Привычка создавать законы перешла отъ отдѣльныхъ лицъ и къ массамъ. Основнымъ закономъ считался тотъ, который потребованъ не меньше, чѣмъ ста лицами; дополнительный законъ могли выносить пятьдесятъ человѣкъ, собравшихся на улицѣ; все это были законы обязательные для того района, въ которомъ они изданы. Поздно ночью и только для одного темнаго переулку, могъ издавать законы даже одинъ человѣкъ, особенно если онъ былъ пьянъ и съ ружьемъ. Съ наступленіемъ разсвѣта законодатель уходилъ, или засыпалъ на одномъ изъ подъѣздовъ и тогда его законы переставали дѣйствовать.

Историки помнятъ очень характерную для этого періода быструю смѣну законовъ въ ночь на 17 апрѣля въ Московскомъ районѣ города Терехина. Случились такъ, что группа въ сто тридцать семь человѣкъ, раздѣвавшая прохожихъ на предметъ учета ихъ верхняго платья и оставленія его себѣ, почувствовала, что пора эту работу уза-

конить и издала соотвѣтствующій декретъ о правахъ человѣка и гражданина, обязаннаго раздѣваться заранѣе и выходить изъ дома съ готовымъ уже узелкомъ. Но, судьба, которая играетъ не только человѣкомъ, но и цѣлыми событіями, судила иначе. Раздѣтыхъ оказалось члестна шестнадцать человѣкъ, а съ ними триста семь ружей, такъ какъ многіе успѣли сбѣгать домой. Не прошло и двухъ часовъ, какъ ими былъ изданъ другой законъ о правахъ человѣка и гражданина ходить въ верхнемъ платьѣ и убивать насильственно снимающихъ его. На этой почвѣ между двумя законодательными группами произошло много курьезовъ—какъ писали о томъ современные газеты. Убито 42, ранено 109.

Правящія массы столкнуться относительно централизаціи правленія не могли. Рѣшеніе общихъ вопросовъ на большихъ собраніяхъ велось по такой системѣ: голосованіе было отмѣнено и предсѣдатель митинга обычно возглашалъ:

— Предложено на голосованіе слѣдующее: одна группа стоитъ за потребленіе конины вмѣстѣ со шкурой, другая высказывается за уничтоженіе стеколъ въ присутственныхъ мѣстахъ. Предлагаю приступить къ перестрѣлкѣ.

Послѣдняя и замѣняла голосованіе. Подсчитавъ количество оставшихся въ живыхъ, предсѣдатель уже объявлялъ стереотипной фразой:

— Большинство. Меньшинство.

Послѣ этого выбирались кандидаты для выполненія воли собранія и предсѣдатель, во избѣжаніе канцелярской волокиты, предлагалъ тутъ-же приступить къ самосуду надъ ними, что тутъ-же охотно и выполнялось.

Въ тюрьмы шли чрезвычайно охотно, такъ какъ большинство изъ хозяевъ положенія рѣдко подходило къ этимъ мѣстамъ, навѣвавшимъ на нихъ грустныя воспоминанія. Изъ невольнаго пришедшихъ въ тюрьму отмѣтимъ сидѣвшихъ въ одной камерѣ: б. мин. внутреннихъ дѣлъ Хвостовъ, Пав. Ник. Милюковъ, Викт. Мих. Черновъ, Влад. Ильичъ Ленинъ-Ульяновъ и одинъ изъ крупныхъ лидеров анархо-коммунистической партіи. Всѣ они обвинялись въ одномъ и томъ-же преступленіи, грозившемъ имъ страшными карами: были уличены въ грамотности, въ ношеніи чистаго бѣлья и употребленіи зубной щетки. Нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ этого обвинялись еще въ непосредственномъ общеніи съ рабочими и крестьянами. Я уже упоминалъ, что оба эти класса были признаны заслуживающими истребленія, такъ какъ инициативная группа жильцовъ подъ Охтенскимъ мостомъ и окрестностей Гутуевского Острова, потребовало полного уничтоженія земли и фабрикъ и переселенія крестьянъ и рабочихъ въ города, мотивируя это тѣмъ, что населеніе городовъ убѣгаетъ въ лѣса, обростая волосами, питаясь травой и грабитъ больше некого.

Правда изъ деревень доходили утѣшительныя извѣстія, что крестьянамъ удается по ночамъ дѣлать набѣги на собственную землю и потихоньку засѣивать; да въ нѣкоторыхъ городахъ нелегально производилась работа на заводахъ—но все это были рѣдкія исключенія.

Маленькія группы людей выходили на улицы и оглашали ихъ, залитыя луннымъ свѣтомъ, жалобными воплями:

— Батюшку-у-у царя...

— Батюшку Чернова—неслось изъ деревень.

— Батюшку-у-у Ле-ни-на-а...—рыдающе вторили рабочіе кварталы.

— Батюшку Ге-е...

Но уже было поздно. Никто не могъ вернуться.

Ибо это былъ золотой вѣкъ русской идилліи, форму правленія котораго ученые впоследствии опредѣлили: массократія. Ибо это было тогда, когда всѣ божескіе и человѣческіе законы, смела своей грязной и окровавленной лапицей разнузданная дѣвка—улица, скрывъ по пьяному раскрытой измызганной спиной гдѣ-то восходящее и робко приостановившееся солнце.

Арк. Буховъ.

Вышла новая книга

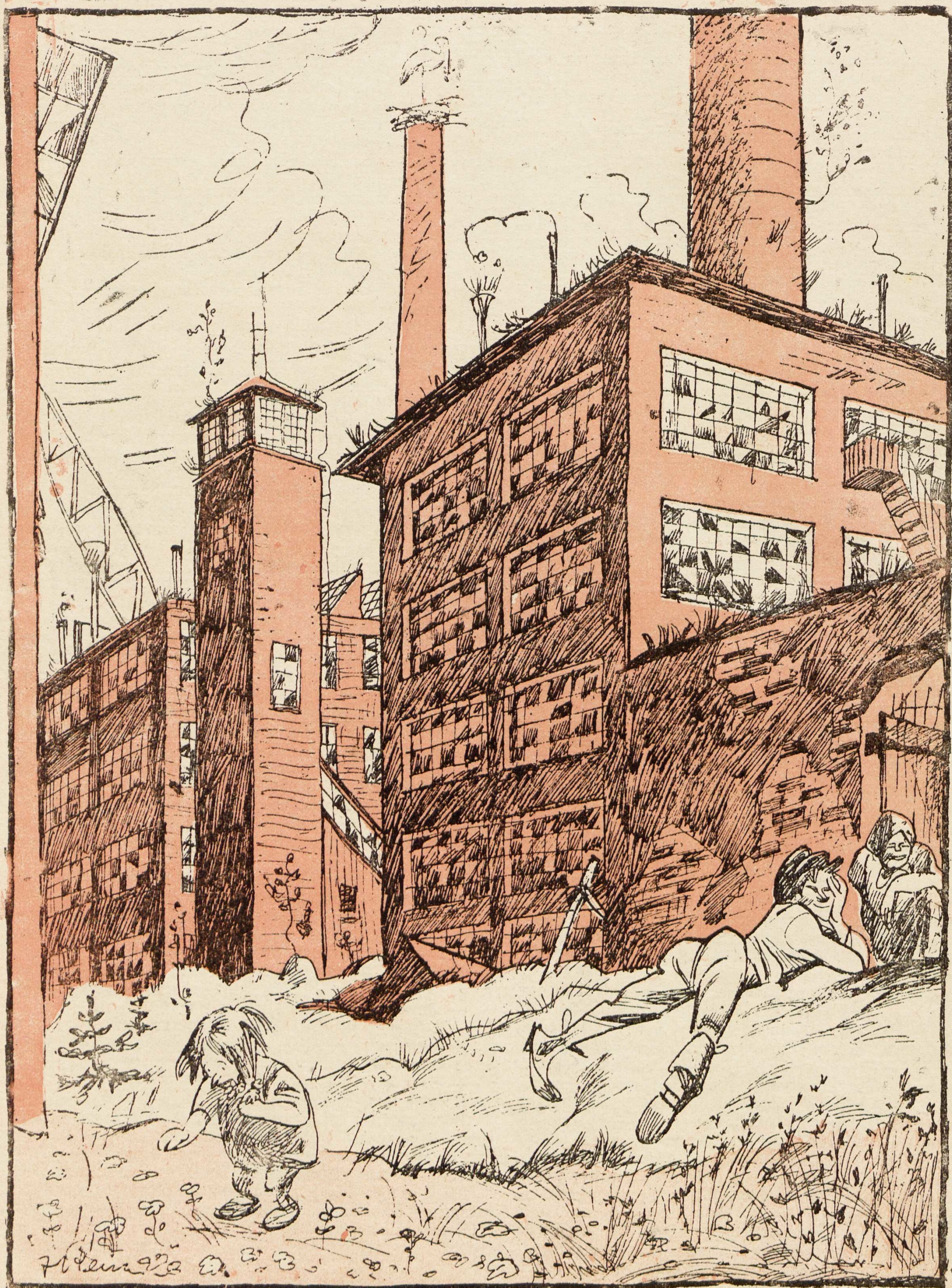
Аркадія Бухова.

„Разговоръ съ соеѣдомъ“.

Изд. „Новый Сатириконъ“.

ИДИЛЛІЯ НА ФАБРИКѢ.

Рис. Ре-ми.

— Раньше здѣсь былъ дымъ, копоть—дышать трудно. А теперь такъ хорошо: чистый полевой воздухъ, цвѣточки, птички поютъ...

КАКЪ ГОТОВЯТСЯ ИДИЛЛИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ.

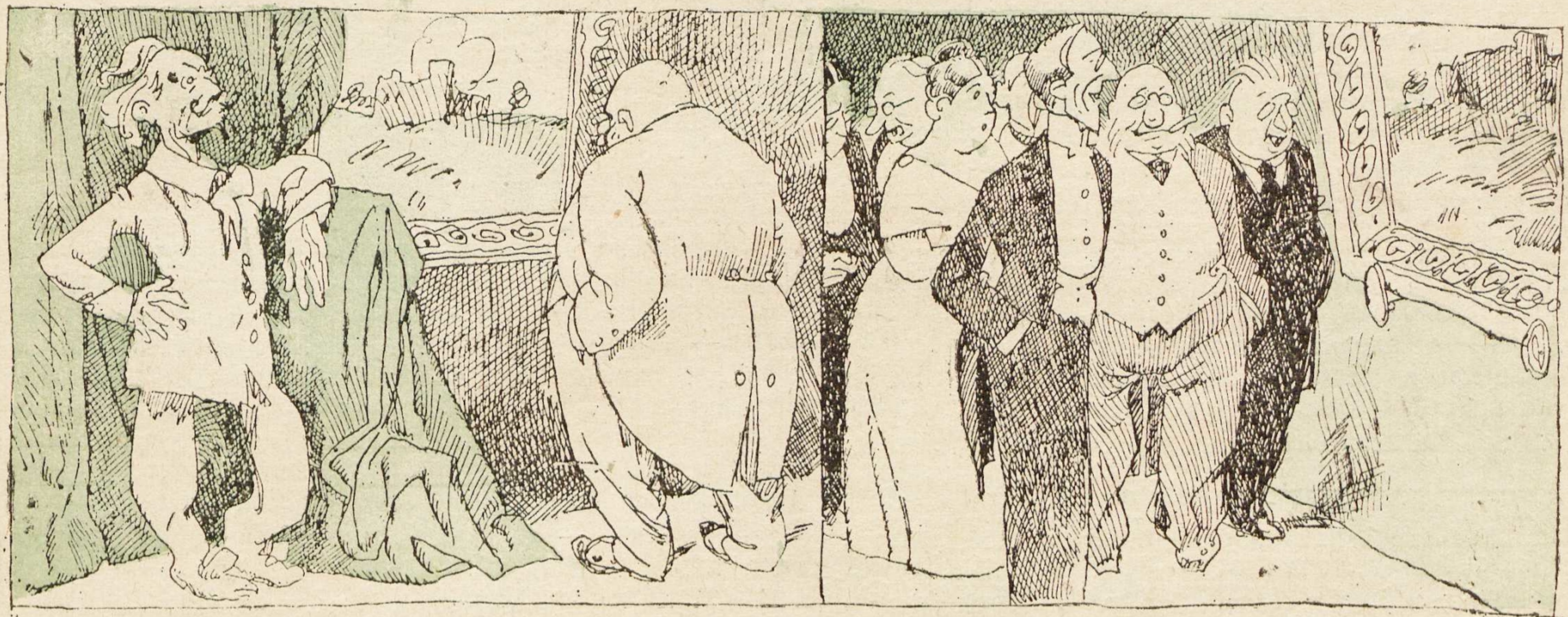
(Нѣчто философское).

Рис. Б. Антоновскаго.

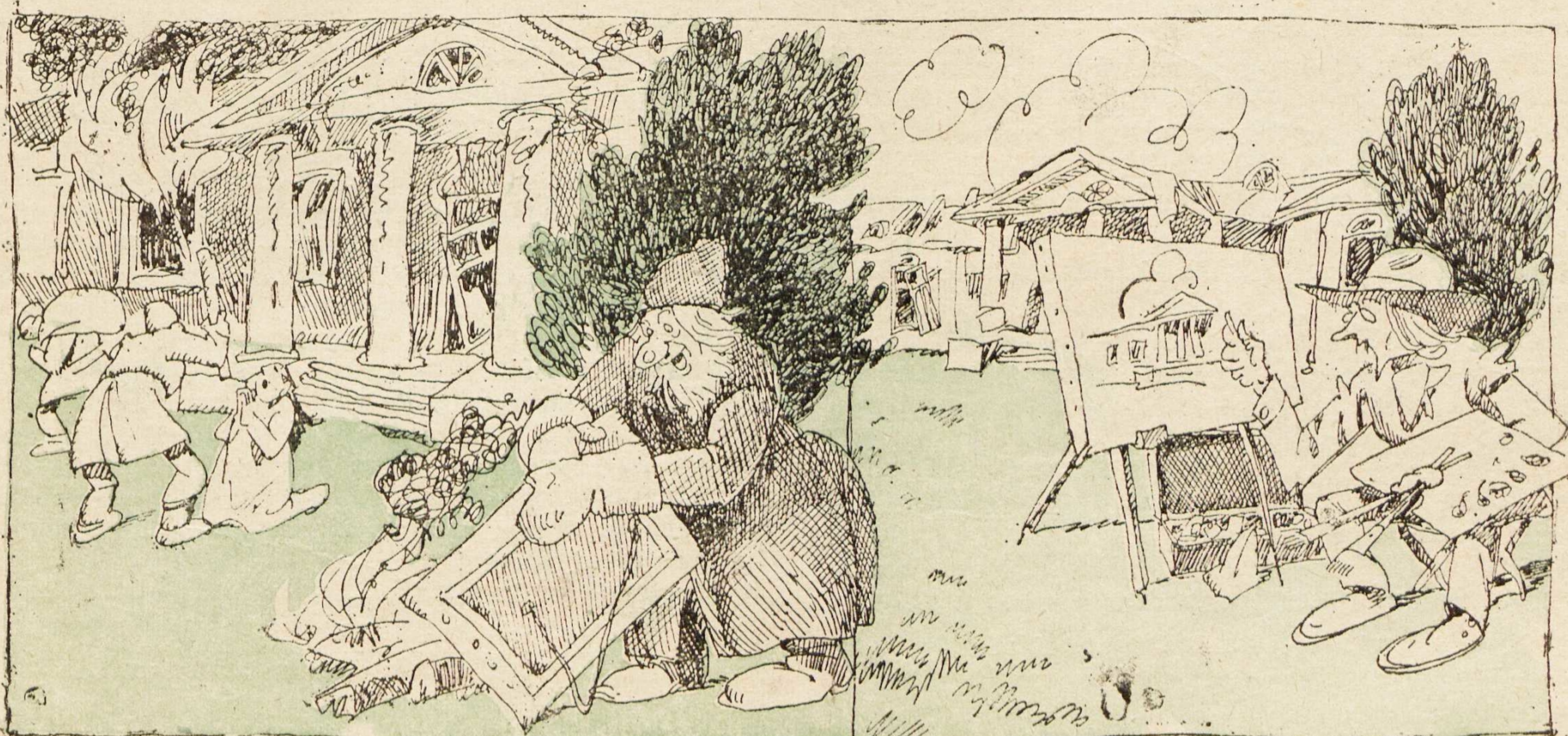
1) Ужасы французской революціи... Убійство, разрушеніе и пожаръ зданій...

2) А черезъ 50 лѣтъ художникъ кротко зарисовываетъ живописную идиллическую картинку: руины замка...

3) Картинку покупаетъ буржуй...

4) Вѣшаетъ въ своей усадьбѣ...

5) Ужасы русской революціи. Убійство, разрушеніе, сжиганіе картинъ и пожаръ усадьбы.

6) А черезъ 50 лѣтъ художникъ кротко зарисовываетъ живописную идиллическую картинку—руины старой полуразрушенной усадьбы (см. рис. 3, и т. д.)

Б У К О Л И К И.

Ко мнѣ явился неизвѣстный мужчина и предъявилъ ультиматумъ.

— Слушайте, вы, — плюгавый контръ-революционеръ, галлифистъ, кавеньякистъ, калединистъ, — нужна любовь, нуженъ миръ, нужны радостные вздохи и трепеты. Понимаете?

— Нѣтъ.

— Ну, конечно, озлобленный буржуазъ, стремящійся удержать прибавочную цѣнность путемъ эксплуатаціи трудящихся классовъ, — не понимаетъ...

Странный посѣтитель проявлялъ необычайное волненіе, и помятуя о продовольственныхъ обыскахъ я рѣшилъ было послать за дворникомъ. Гость угадалъ мое намѣреніе и вынулъ большой, восьмизарядный, бельгійской системы браунингъ.

— Вотъ что, наемникъ имперіализма, — я ставлю вамъ ультиматумъ: вы должны перестать брызгать бѣшенной слюной...

— Я... Вы должны въ двухдневный срокъ напечатать нѣчто нѣжное, умиротворяющее, радостное, идиллическое...

— О пастухахъ и пастушкахъ? Старо. Уже написано.

— Нѣтъ, корниловець, вы должны создать современную идиллію. Я даю вамъ сорокъ восемь часовъ. Согласитесь сами, что это срокъ даже большій, чѣмъ данный румынскому посольству. Если же въ теченіе сорока восьми часовъ вы не выдадите соотвѣтствующій идилліи, я приду снова самъ, но уже въ обществѣ энергичныхъ молодыхъ людей, и тогда будетъ...

— Самосудъ? — находчиво подсказалъ я.

— Совершенно вѣрно. Самосудъ. Прощайте.

Странный гость ушелъ, а я приступилъ къ работѣ. Собственная жизнь безусловно предметъ первой необходимости. Эта истина заставила меня отнестись съ должнымъ вниманіемъ къ самосуднымъ перспективамъ. Я добросовѣстно приступилъ къ работѣ и ровно черезъ сорокъ восемь часовъ былъ готовъ нижеслѣдующій очеркъ.

Современныя буколки.

Солнце радостно свѣтило, разбрызгивая яркіе лучи, и кокетливо отражаясь въ отличныхъ лужахъ. На мостовой, по колѣно въ водѣ стоялъ почтенный благообразный старикъ въ бобровой шапкѣ и таковомъ же воротникѣ. Старецъ разгребалъ снѣгъ и тяжелымъ желѣзнымъ ломомъ дробилъ ледяные комья. Прохожіе почтительно и сочувственно оглядывали старика.

Матери говорили своимъ дѣтямъ:

— Видишь, Ваня: человекъ долженъ всю жизнь трудиться. Трудъ самое прекрасное въ нашей жизни. Этотъ старый господинъ, не смотря на почтенный возрастъ и по сей день трудится.

Дѣти напряженно ковыряли въ носу, и чувствовали себя глубоко виновными.

... Проходилъ по улицѣ юноша со своей хорошенькой краснощекой невѣстой.

— Видите, Соня: почтенный человекъ занимается физическимъ трудомъ. А вы недовольны, когда я ежедневно продѣлываю двадцать четыре упражненія гантелями по системѣ майора Васко ди-Безоніа. Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ! Физическій трудъ закаляетъ человека и дѣлаетъ его способнымъ къ продолжительному дѣторожденію.

Невѣста пылко конфузилась.

Солнце сіяло. Старецъ трудился. Была радость, было сверканіе, и стелилась всеобщая прямая равная и тайная радость.

* * *

Въ газетѣ „Правда“ вышеописанный буколическій эпизодъ былъ изложенъ такъ:

„Матерый саботажникъ и спекулянтъ купецъ Сутягинъ за отказъ выдать народу причитающіеся съ него сорокъ пять тысячъ арестованъ и по постановленію комитета по борьбѣ съ контръ-революціей приговоренъ къ скалыванію льда и очисткѣ снѣга въ районѣ Васильевского острова“.

2.

Хотя былъ темный вечеръ, но лучи внутренней всечеловѣческой любви озаряли городъ. Докторъ Драгунчикъ, специалистъ по внутреннимъ и дѣтскимъ, шелъ по набережной, напѣвая тарантеллу. На душѣ у доктора было легко и спокойно; два дифтерита и одна дизентерія что нибудъ да значать!

— Въ концѣ концовъ, — философствовалъ докторъ, — еще одна дизентерія и еще четыре дифтерита, и смотришь — сколько человекъ нужно?

Въ это время къ доктору подошли двое мужчинъ и вступили съ нимъ въ оживленную бесѣду. Выслушавъ заявленіе неизвѣстныхъ, докторъ Драгунчикъ облегченно вздохнулъ и радостно скинулъ съ себя пальто.

— Берите! Берите, друзья мои, и давай вамъ Богъ здоровья. Жизнь — прежде всего. Жизнь — прекрасная штука.

Вернувшись домой докторъ много и долго рассказывалъ своей женѣ о прелести жизни, о томъ, что жизнь — самый цѣнный препаратъ, самое драгоценное средство. И казалось что не хмурые петроградцы говорятъ это, а восторженные, охитоненные эллины кричатъ „эвоэ“.

* * *

Это буколика была такъ освѣщена въ вечерней газетѣ: „Вчера на Фонтанкѣ былъ ограбленъ популярный врачъ Драгунчикъ. Преступники отняли у доктора шубу, бумажникъ и золотые часы. Вотъ она, диктатура пролетаріата!“.

3.

Они сидѣли другъ противъ друга и никто не узналъ бы въ нихъ враговъ. Ласковые и спокойные, замиренные и откровенные они сидѣли за столомъ, мирно бесѣдуя. Одинъ — военный, другой — штатскій. Но даже и это различіе въ профессіяхъ, даже пресловутое высокомеріе военного сословія, — нисколько не могли нарушить мирной, почти пастушеской бесѣды. Глядя на нихъ, всякій долженъ былъ вспомнить о золотомъ вѣкѣ, когда въ счастливой Аркадіи люди не говорили, а ворковали.

— И такъ, — мило щебеталъ военный, — вы отдаете намъ этотъ ничтожный кусокъ...

— А самоопредѣленіе?

— Другъ мой, не будемъ говорить о скучныхъ вещахъ. Нуженъ миръ.

— Безъ аннексій!..

— Нужна любовь, тихая радость, мирный земледѣльческій трудъ, когда поселянинъ послѣ трудового дня возноситъ благодарныя молитвы...

— Берите!

* * *

Объ этой буколикѣ „Извѣстія“ сообщали:

„Генераль Гофманъ, наемникъ германскаго имперіализма протянулъ свою хищную лапу, презрительно отбросивъ великіе принципы русской революціи о самоопредѣленіи народовъ. Народный комиссаръ Троцкій, революціонный левъ отстаивалъ русскій пролетаріатъ отъ германскаго хищничества. Да здравствуетъ миръ безъ аннексій и контрибуцій, долой украинскую Раду!“

Прошло сорокъ восемь часовъ и незнакомецъ явился. Я вручилъ ему вышеприведенныя буколки, но, прочитавъ ихъ, странный человекъ пришелъ въ неопредѣлимую ярость. Онъ затопалъ ногами, разбилъ пепельницу и закричалъ:

— Вы — саботажникъ!

Я церемонно поклонился.

Бор. Мирскій.

ВЪ ДНИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОИНЫ.

— Что за вздоръ! Сейчасъ 4 часа, а на вашихъ часахъ 11.

— Это потому, что я ихъ по пушкѣ ставилъ.

— По пушкѣ?! Почему же они такъ врутъ?

— А потому что у насъ въ городѣ пушки цѣлый день стрѣляютъ.

И Д И Л Л И Я.

Наконецъ всё ко всёму привыкли, перестали пугаться и удивляться, а спокойные россияне произнесли мудрое: очевидно, такъ надо. Жизнь пошла по пути идиллическаго быта.

Семья Чиноевыхъ жила въ особнякѣ, наскоро передѣланномъ изъ ванной и пустого сундука. Столовую занималъ домовый комитетъ, кабинетъ самого Чиноева былъ отданъ бѣднѣйшей части населенія въ лицѣ прїѣзжей теткы одного изъ дворниковъ, а спальня скромно дожидалась того извозчика, который на прошлой недѣлѣ привезъ госпожу Чиноеву и сказалъ, получая деньги:

— Лошадь продамъ—жить сюда прїѣду. Митей звать будете и на фортепьянахъ играть.

Программа этого человѣка была не ясна, но такъ какъ это былъ послѣдній извозчикъ безъ университетскаго значка, то рѣшено было выразить согласіе и усгупить спальню. Тѣмъ болѣе, что онъ могъ указать брату Чиноева, инженеру технологу, гдѣ можно вымѣнять на бинокль сбрую, какъ держать кнутъ и словомъ приспособиться къ извозному промыслу.

Самъ Чиноевъ былъ одинъ изъ популярныхъ мѣщениковъ въ своемъ районѣ; иногда его обороты принимали грандіозные размѣры и ему даже удавалось вымѣнять мандолину, или прессъ-папье на фунтъ гороха, что всегда заставляло трепетать отъ зависти окружающихъ жителей.

— Эти ученые дошлый народъ—шептали завистники—глядишь трое сутокъ повертится на улицѣ и дѣти сыты... А ужъ жена свою линію гнетъ—гдѣ кому корзину снести, гдѣ газету продать...

И дѣйствительно, большую часть своей жизни Чиноевъ проводилъ теперь на улицахъ. Къ этому времени порядокъ уже возстановился и стрѣляли только въ самое бойкое утреннее время, когда народъ шель густо, а въ обѣденный часъ можно было безопасно простаивать подъ воротами и даже на обѣгу кое что продать и вымѣнять.

Чиноевскія дѣти слегка помогли родителямъ, такъ какъ въ гимназію имъ уходить надо было не часто. Во первыхъ учителя бастовали, въ видѣ протеста противъ своей забастовки, учебники показывали только въ музеяхъ, да и то прїѣзжимъ экскурсіямъ, а во вторыхъ и сами дѣти были какъ-то случайно объявлены частной собственностью и уже шель разговоръ о прикрѣпленіи ихъ къ недвижимости, націонализаци и обложеніи особымъ налогомъ, взаменъ собачьяго, ввиду того, что собаки были съѣдены въ лучшія времена.

По утрамъ дѣти играли въ большихъ т. е. сидѣли и ничего не ѣли, а по вечерамъ бѣгали рѣзвиться и тѣшили пытливость дѣтскихъ умовъ ближайшими самосудами.

Знакомыхъ у Чиноевыхъ было очень мало. Большинство его коллегъ по профессурѣ занималось работой на товарной станціи—перетаскиваніемъ пустыхъ мѣшковъ въ пустые вагоны, что называлось примѣненіемъ интеллигентнаго труда и ихъ трудно было застать дома.

Впрочемъ иногда все-таки по вечерамъ ходили въ гости.

Для этого соединялись нѣсколько семей и шли вмѣстѣ, выставляя впереди особый арьергардъ изъ холостяковъ—пока ихъ грабили, остальные продолжали свой путь, обмѣниваясь шутками и свѣжими новостями. Тотъ, кто доходилъ до гостей, пилъ тамъ чай со своимъ сахаромъ и рассказывалъ о судьбѣ своихъ спутниковъ, что дѣлало его героемъ вечера и располагало къ нему сердца слушателей.

Чтеніемъ въ то время занимались мало, такъ какъ книги перевелись; перечитывали списки телефонныхъ абонентовъ за старые года, почтовые квитанціи; за книжку Вербицкой платили фунтъ керосина, или кожаное кресло.

Спектакли, помимо отсутствія освѣщенія, прекратились такъ же и отъ обилія самосудовъ надъ артистами, изображавшими въ пьесахъ отрицательныхъ типовъ. Въ дни послѣднихъ спектаклей былъ отнесенъ въ Фонтанку лучшій любовникъ, игравшій Яго, сейчасъ же послѣ убійства имъ Дездемоны. Да и сами артисты были настолько запуганы что игравшіе опредѣленныхъ злодѣевъ въ самыхъ патетическихкихъ мѣстахъ, опасно косясь на публику, начинали танцовать, пѣть и перепрыгивать черезъ стулья. А въ „Борисѣ Годуновѣ“ пришлось сдѣлать такъ, что весь народъ окопался въ палатахъ, а на сценѣ бѣгалъ и волновался одинъ Борисъ, ежеминутно показывая публикѣ плацкарту и билетъ въ Тобольскъ.

По магазинамъ Чиноевы ходили рѣдко, такъ какъ магазиновъ вообще не было. Весь товаръ былъ на рукахъ и даже автомобильные гаражи пришли къ заключенію, что лучше продавать изъ подъ-полы отдѣльныя части автомобиля, чѣмъ высылать цѣлый по первому звонку заказчика. Случалось такъ, что человѣку уже удавалось собрать всѣ части, кромѣ одной шины и автомобиль бозпомощно стоялъ на улицѣ, пока его новому владѣльцу не удавалось вымѣнять кусокъ ситцу на искомую шину.

Бывало такъ, что во время дѣловаго разговора одинъ собесѣдникъ вынималъ револьверъ, приставлялъ его къ животу другого собесѣдника и твердо говорилъ:

— Или ботинки, или пулю въ животъ.

Это называлось мѣновой торговлей.

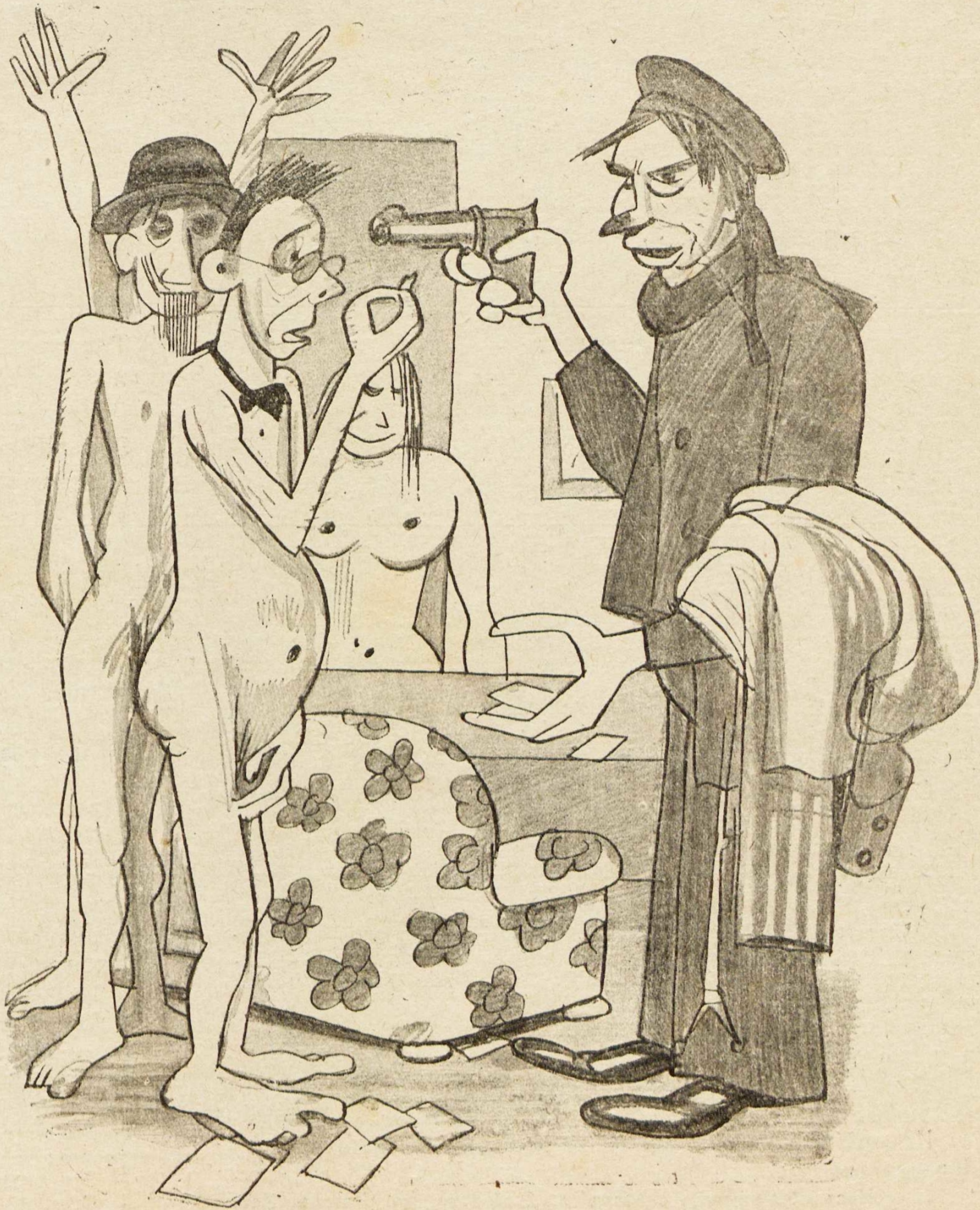
И ложась спать, Чиноевъ наставительно говорилъ дѣтямъ: — Ко всёму надо привыкать, ребята... Привычка она, братъ, вторая натура...

И дѣти, которымъ хотѣлось ѣсть, соглашались.

Л. Аркадскій.

И Д И Л Л И Я ВЪ К Л У Б Ъ.

Рис. Казимира Груса.

— Вы еще не все взяли, о добрый налетчикъ! Вотъ золотая коронка съ моего буржуазнаго зуба... Безъ коронки зубъ будетъ демократичнѣе!..

ГАЗЕТНАЯ ИДИЛЛИЯ.

Одинъ изъ народныхъ комиссаровъ, отъ-
ваясь о доблести красногвардейцевъ, рассказаль
случай, когда красногвардеецъ встрѣтилъ въ
лѣсу старушку и не сбидѣль ее.

Изъ газетъ.

Рис. Д. Ф.

ДОБРЫЙ КРАСНОГВАРДЕЕЦЪ.

Вечерь былъ сверкали звѣзды
На дворѣ морозъ трещаль.
Тихо лѣсомъ шла старушка
Пробираясь на вокзалъ.
Жутко бѣдной! Кто жалѣеть
Старость, слабость, нищету?
Всякъ зарѣжетъ и ограбитъ
Боже правой, сироту.

Мимо шель красногвардеецъ
„Что тутъ бродишь, женскій полъ?“
Но взглядѣлся и не тронулъ
Только плюнулъ и пошелъ.
А старушка въ умиленьи
Поплелася на вокзалъ...
Эту сказку папа—Ленинъ
Добрымъ дѣткамъ рассказаль.

Тэффи.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Баллада.

Извѣстенъ ли нашимъ читателямъ знаменитый проэктъ
нѣкоего собразительнаго человѣка: „Какъ очистить пу-
стыню Сахару отъ львовъ“?

Основы этого проэкта были таковы: соорудить огром-
ное сито и просѣять сквозь него всѣ пески пустыни Са-
хары. Песокъ просѣется, а львы останутся на ситѣ.

Въ условіяхъ сѣрой русской жизни этотъ экзотическій
проэктъ нѣсколько видоизмѣнился.

Крестьяне с. Донгузлей, Кузн. уѣзда, Невѣркинской вол. про-
сятъ у уѣзднаго земельного комитета разрѣшеніе вырубить 220 дес.
казеннаго лѣсу, который окружаетъ ихъ село, такъ какъ лѣсъ изо-
билуетъ волками.

Эти же крестьяне, по слухамъ, шуку въ рѣкѣ топили
и лаптемъ щи хлебали.

Чѣмъ гордишься?

Изъ рѣчи морского министра Дыбенко на митингѣ Тру-
бочнаго завода:

— Насъ обвиняють,—сказаль г. Дыбенко,— въ разгонѣ Учр.
Собранія и въ томъ, что мы убивали манифестантовъ. Насъ назы-
вають жандармами. Намъ это безразлично, ибо мы являемся жан-
дармами революціи! („Н. Жизнь“).

У Дыбенко совсѣмъ такое же понятіе о словѣ „жан-
дармъ“, какъ у Гоголевской свахи—о словѣ „подлецъ“:

— Подлецъ ты, коли ты частный человекъ,—говорила
эта рѣшительная, но не совсѣмъ умная дама.

Стяжалъ..

Эпизодъ изъ титанической борьбы съ контръ-револю-
ціей:

При обыскѣ въ нарвскомъ районѣ партіи с.-р. вмѣстѣ съ партій-
ной печатью красногвардеецъ положилъ къ себѣ въ карманъ коробку
консервовъ, два столовыхъ ножа и портретъ Спиридоновой.

Очевидно, мужественный красногвардеецъ дѣйствовалъ
по тремъ разнымъ мандатамъ...

Коробка консервовъ—продовольственный обыскъ.

Столовые ножи—конфискація недозволенаго оружія.

Портретъ Спиридоновой—ну, объясненія этому даже мы
придумать не можемъ.

Развѣ—просто для ношенія на груди...

Тотъ же красногвардеецъ къ портрету Лаврова отнесся
не такъ любовно:

Послѣ этого, вперивъ свой взоръ на портретъ П. Л. Лаврова,
онъ спросилъ:

— Это кто?

— С.-р.

— Часто тутъ бываетъ?

— Каждый день.

— Изловимъ...

Веселятся...

Портретъ изорвали и бросили на полъ.
 Въ добавленіе къ сему „Наше Единство“ вспоминаетъ, какъ въ Витебскѣ производился обыскъ у бывшаго бундовца. Тыкая перстомъ на портретъ К. Маркса, городской вопрошаетъ:
 — Ваше благородіе, а это взять?
 Околоточный прищурился и, авторитетно махнувъ рукой, произнесъ:
 — Нѣтъ не надо. Это мѣстный раввинъ.
 И портретъ К. Маркса былъ оставленъ.
 Лаврова изорвали, К. Маркса пошадилъ—и тутъ нѣмцамъ везетъ

Новый бракъ.

Ө. Сологубъ рассказываетъ подслушанный на улицѣ отрывокъ бесѣды:

— Вы знаете, она вышла замужъ.
 — Что вы! Неужели въ церкви вѣнчались?
 — Ну, зачѣмъ же! Просто у себя въ записной книжкѣ записали.

Мы увѣрены, что и способъ записи совершеннаго брака въ записную книжку скоро будетъ оставленъ—какъ способъ буржуазный.

Просто достаточно будетъ подмигнуть—и бракъ совершенъ.

Со своей стороны предлагаемъ также и наиболѣе простой способъ развода: одинъ изъ супруговъ топить другого въ Фонтанкѣ.

Это тебѣ не консисторская канитель!

Святая цѣль.

Смольные человѣки конфисковали дворецъ Шереметевыхъ на Фонтанкѣ.

Знаете, съ какой цѣлью?

Дворецъ Шереметевыхъ предназначенъ комиссаріатомъ по иностраннымъ дѣламъ для устройства курсовъ для подготовки пропагандистовъ идей интернаціонала въ странахъ Востока.

Цѣль немножко запутанная.

Ну, при чемъ тутъ интернаціоналъ въ странахъ Востока?

Нуженъ тебѣ чужой домъ—бери, хватай, а Востокъ—онъ тебя не трогаетъ и ты его не тревожь.

Сапоги въ смятку.

Щенки рождаются слѣпыми и только черезъ нѣкоторое время ихъ крохотные глазенки открываются.

Таковы же и нѣкоторыя газеты.

Въ одной изъ такихъ газетъ, когда-то слѣпо защищавшей большевиковъ мы читаемъ теперь.

Фунтъ, хотя бы и самаго контръ-революціоннаго по своему происхожденію, по химически доброкачественнаго хлѣба, гораздо полезнѣе для здоровья пролетарія, нежели 1/4 фунта архиреволюціонной мякины.

Тѣмъ болѣе, что все сейчасъ перепуталось: архиреволюціонные красногвардейцы уплетаютъ за обѣ щеки добротный контръ-революціонный хлѣбъ, а контръ-революціонная буржуазія и саботажники вяло и неохотно прожевываютъ архи-революціонную мякину.

Ни папа, ни мама.

— Кого ты больше любишь—папу или маму?—спрашиваютъ ребенка.

— И папу, и маму,—кратко отвѣчаетъ малютка.

Малютки-большевики на приблизительно такой вопросъ отвѣтили:

— Ни папу, ни маму.

Именно, когда на съѣздѣ совѣтовъ былъ поставленъ вопросъ—воевать или прекратить войну, то большевики и лѣвые эсъ-эры вынесли классическую резолюцію:

— Не воевать и войны не прекращать.

Нѣкій мастеровой, увидѣвъ акробата, ѣхавшаго на одномъ велосипедномъ колесѣ, сказалъ:

— Это что! На одномъ колесѣ... У насъ въ Скопинѣ одинъ человѣкъ совсѣмъ безъ колеса ѣздилъ!

— Какъ же такъ?

— Да такъ.

И сплунувъ на сторону, ушелъ мастеровой?
 Важную должность занимаетъ сейчасъ у большевиковъ сей мастеровой.

Лопай, что даютъ.

На сей разъ кормить насъ Германія:

Начала возобновляться торговля съ Германіей и одна изъ нашихъ петроградскихъ фирмъ, торгующая граммофонами, получила на этихъ дняхъ небольшую партію пластинокъ. Раскрыли одну коробку; внутри къ крышкѣ коробки былъ прикрѣпленъ списокъ пластинокъ съ названіями пьесъ и напѣвовъ.

Списокъ былъ оторванъ и что-же: на оборотѣ синимъ карандашемъ было написано на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующее въ буквальномъ переводѣ:

— Это можно послать только въ Россію.

Отмѣтку эту сдѣлалъ директоръ граммофонной фабрики, забравъ неудавшіяся пластинки для внутренняго сбыта.

Классическая надпись:

— Это можно послать только въ Россію!

Не была ли такая же надпись сдѣлана на стѣнкахъ нѣкоторыхъ запломбированныхъ вагоновъ?..

Невѣроятное.

Къ исторіи Учредительнаго Собранія...

„Новая Жизнь“ сообщаетъ:

Въ день открытія Учр Собранія Члены Совѣта Народныхъ Коммисаровъ во главѣ съ Ленинымъ явились въ Таврической дворецъ и заняли свои мѣста въ правительственной ложѣ.

Но Ленинъ не долго оставался въ ложѣ. Въ началѣ рѣчи Чернова, онъ разлегся на полу въ проходѣ и остался въ такомъ положеніи во все время рѣчи Чернова до начала рѣчи Церетели.

Теперь Черновъ смѣло можетъ хвастаться:

— Своей рѣчью я уложилъ самого Ленина!

ПОЭТЪ.

Да, я поэтъ. Но я люблю говядину
 („Амброзію“—въ стихахъ я говорю).
 Я воспѣваю только душу Надину,
 Но плечико цѣлую—и горю.
 Она ушла: нѣтъ ни души, ни плечика...
 И міръ теперь—за всѣ мои грѣхи!—
 Злорадно—пустъ, какъ уголь безъ газетчика,
 Когда въ газетѣ есть мои стихи.

Ал. Вознесенскій

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Н. Семенову. — У васъ стихи чудесные. Мы получили отъ нихъ огромное удовольствіе. Присылайте еще и еще. Пятьсотъ рублей перевели почтой.

Люциферу. — Вашъ рис. производитъ очень выгодное впечатлѣніе. Можемъ предложить вамъ мѣсто постояннаго художника при журн. Жалованье—800 руб. Согласіе—телеграфируйте.

Кася Дребкону (Астрижанъ). — Оба разказа приняты. Не согласитесь ли вы предоставить „Сатирикону“ изданіе книги вашихъ разказовъ?

Всѣмъ тремъ. — Потому только такъ ласково и пишемъ, что номеръ этотъ идилическій.

А, вообще—и рисунки Люцифера, и стихи, и мазня Каси Дребкона—вещи самыя тошнотворныя.

Ave.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

ОТЪ РАХИТА, ЭКЗЕМЫ, УНЫНІЯ

помогаетъ чтеніе журнала „БАРАБАНЪ“.

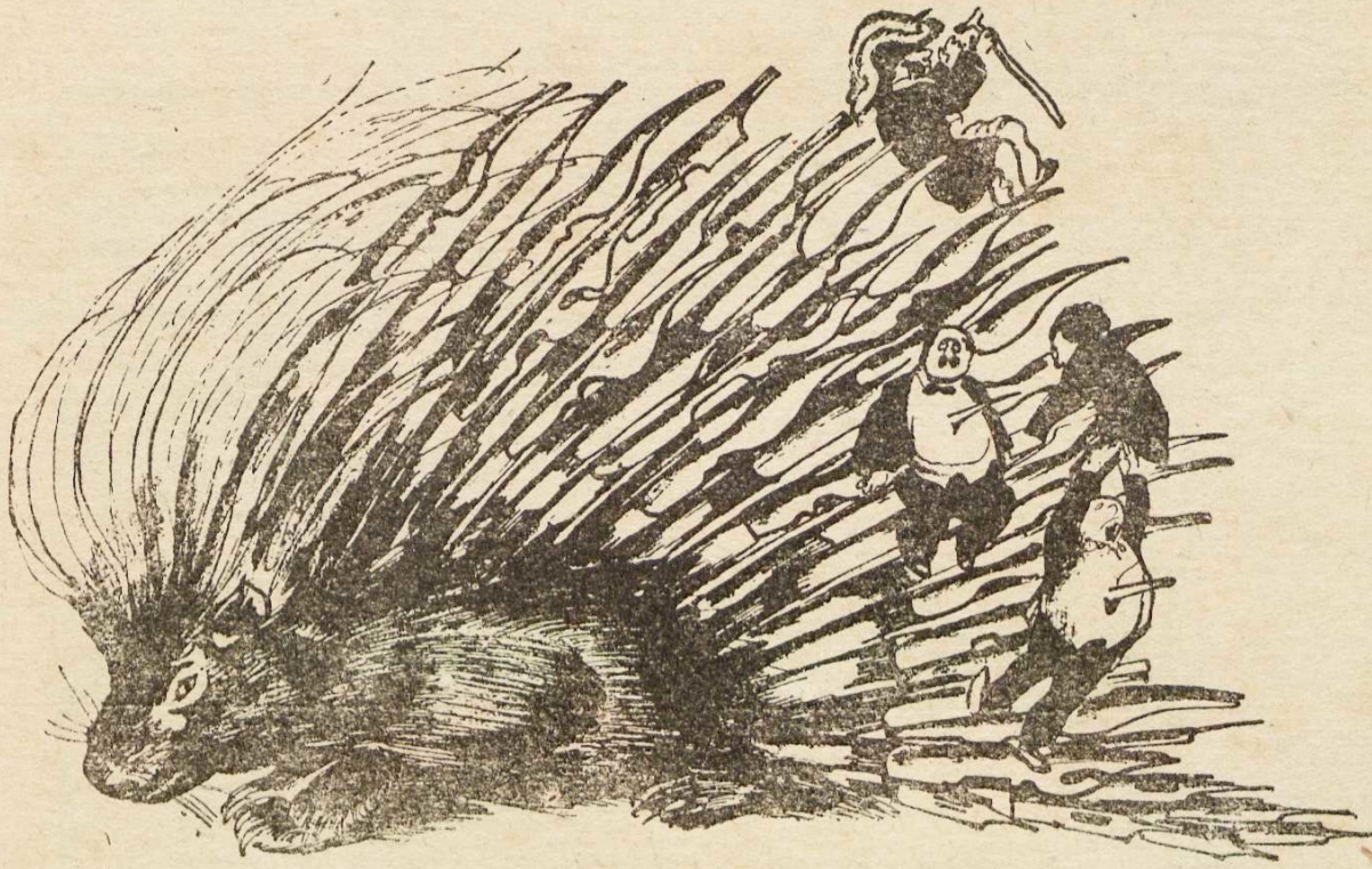
Присутствіе „БАРАБАНА“ въ карманѣ во время грабежа (конечно, если грабите не вы, а васъ)—спасетъ отъ всякаго ущерба.

Грабители, найдя у васъ въ карманѣ „БАРАБАНЪ“, начинаютъ его читать, держась за животики, а вы въ это время успѣваете убѣжать.

И наконецъ (поразительное дѣйствіе!)—журналъ „БАРАБАНЪ“ можетъ служить видомъ на жительство, а также незамѣнимъ для укрѣпленія семейной жизни и при обыскахъ. Вообще, что толковать—читайте и конецъ.

Издательство.

6-й годъ изданія
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1918 годъ.

„Новый Сатириконъ“.

Годовымъ подписчикамъ будетъ дано:

52 №№ обильно иллюстрированного
журнала въ краскахъ.

2 цѣнныхъ преміи (бесплатно).

Между прочимъ редакція „Новаго Сатирикона“ получила отъ издательства „Новый Сатириконъ“ слѣдующее письмо:

Письмо въ редакцію:

Позвольте черезъ посредство вашего уважаемаго журнала огласить слѣдующій вопіющій фактъ:

Вчера въ ресторанѣ „Яръ“ неизвѣстный молодой человѣкъ, плотно пообѣдавъ, пытался проколоть себѣ горло двузубой вилочкой, подаваемой къ сыру.

Спрошенный о причинѣ этого страшнаго намѣренія, онъ объяснилъ, что прочтя нѣсколько газетъ и не найдя ни въ одной изъ нихъ объявленія о подпискѣ на журналъ „Новый Сатириконъ“ на 1918 годъ,—онъ рѣшилъ, что жизнь сѣра, что жить болѣе не стоитъ, почему и пытается привести въ исполненіе свой ужасный замыселъ.

Опасаясь, что безотрадный поступокъ печальнаго молодого человѣка найдетъ массу подражателей и эпидемія самубійствъ

на этой почвѣ пойдетъ вширь, вглубь, вкривь и вкось—мы считаемъ своимъ гражданскимъ долгомъ оповѣстить всѣхъ скептиковъ и ипохондриковъ, что подписка на журналъ „Новый Сатириконъ“ на 1918 годъ принимается по адресу: Невскій, 88, годовая цѣна съ двумя преміями—30 руб. полугодовая—половину.

Что же касается несчастнаго молодого человѣка, то его удалось спасти, что симъ и подтверждаемъ.

„Издательство Новый Сатириконъ“.

* * *

Ввиду того, что большевики запретили всякіе объявленія—мы даемъ мѣсто вышеприведенному письму, сопровождая его слѣдующей подробностью:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

за 12 мѣс. (съ преміями)—30 руб., за 6 мѣс.—15 руб., за 3 мѣс.—7 р. 50 к. и за 1 мѣс. 2 р. 50 к.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88. Телеф. 59-07.

Слѣдующій № „Новаго Сатирикона“

СПЕЦИАЛЬНЫЙ

„LE NU“

о раздѣтыхъ людяхъ и о раздѣваемой государственности.

Несмотря на рискованность темы, номеръ составленъ весьма цѣломудренно, такъ что его можно не только читать въ приличной семьѣ, но даже пѣть и заучивать наизусть.

Цѣна номера въ книжныхъ кіоскахъ... Впрочемъ кіоски закрыты. Цѣна № на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ... Впрочемъ желѣзныя дороги не дѣйствуютъ. Требуйте № у газетчиковъ, не обращаясь къ помощи спекулянтовъ, которые конечно сейчасъ же сдѣлаютъ этотъ цѣнный № предметомъ легчайшей наживы путемъ его перепродажи.

Б У Р Ж У Й Н А Я И Д И Л Л И Я .

Голосомъ зычнымъ, какъ могучіе раскаты органа,
 Какъ раскаты органа подъ сводами храма,
 Прокричимъ,—Осанна, осанна, осанна!—
 Тебѣ отдѣлившему насъ отъ грядущаго хама.
 Вѣдь жена безъ духовъ, это безъ тувель спокойный
 халатъ.
 Безъ идиллій вечернихъ, подъ шумъ самовара
 Жить нельзя! Нашъ привѣтъ her Kamaad,
 Ты комфорта апостоль пришелъ изъ огня
 мирового пожара!

Слезы вытремъ платкомъ изъ батиста по очень
 дешевой цѣнѣ.
 И портреты умершихъ поставимъ мы въ черныя рамы.
 У камина мы сядемъ и вспомнимъ кровавыя драмы.
 Что создалися кѣмъ-то отнюдь не понашей винѣ.
 Вспоминать наслаждаясь счастьемъ комфорта,
 Созерцая накладку (двѣ марки) жены,
 Жаль конечно людей, хотя бы и третьяго сорта,
 Но вѣдь жертвы прогрессу нужны.

А. Радаковъ.